

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ДОМ
КОРРИНО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г37

Серия «Дюна»

Brian Herbert

Kevin J. Anderson

DUNE: HOUSE CORRINO

Перевод с английского *А. Анваера*

Художник *Д. Андреев*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Брайан., Андерсон, Кевин.

Г37 Дюна: Дом Коррино : [роман] / Брайан Герберт, Кевин Андерсон ; [перевод с английского А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 672 с. — (Дюна).

ISBN 978-5-17-146843-9

Император Шаддам Коррино одержим желанием получить абсолютную власть во Вселенной. Эту власть ему может обеспечить искусственная специя, разработки которой ведутся в подземных лабораториях планеты Икс. Шаддам рвется к цели, не подозревая, что в случае успеха приведет цивилизацию к гибели. Герцог Лето Атрейдес, невзирая на дефицит военных ресурсов, пытается предотвратить катастрофу.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Herbert Limited Partnership, 2001

© Перевод. А. Анваер, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Ось вращения планеты Арракис расположена под прямым углом к радиусу ее орбиты. Сама планета не идеальный шар, а фигура вращения, утолщенная в области экватора и вогнутая у полюсов. Создается впечатление, что планета является произведением какого-то древнего искусства.

Доклад Третьей Имперской Комиссии
по Арракису

Освещенные двумя лунами, плывшими по затянутому пылью небу, фрименские партизаны короткими перебежками, словно призрачные тени, передвигались между скалами пустыни. Люди сливались с зубчатыми утесами, словно были сделаны из того же грубого материала — суровые воины суровой страны.

Смерть Харконненам. Все члены вооруженного отряда дали одну клятву.

В тихий предзвездный час Стилгар, высокий чернобородый предводитель, словно кошка, крался впереди группы своих лучших бойцов. *Мы должны двигаться как тени в ночи. Тени, вооруженные спрятанными ножами.*

Подняв руку, он жестом приказал своему молчаливому отряду остановиться. Стилгар прислушался к пульсу пустыни, почти физически прикинув ушами к темноте ночи. Своими синими, с голубыми склерами, глазами он внимательно осматривал каждый квадратный сантиметр высившейся впереди скалы, нависавшей на фоне неба, как башня гигантского замка. Луны летели по небесам, и на лице скалы, делая его живым, скользили, меняя форму, темные пятна.

Люди начали подниматься вверх по крутому склону скалы, внимательно разглядывая привычными к темноте глазами вырубленные в камне крутые ступени. Местность казалась странно знакомой, хотя Стилгар ни разу здесь не был. Путь к этому месту описал его отец, путь, которым шли предки в Хадит-Ситч — некогда самое крупное из поселений, оставленное фрименами в незапамятные времена.

«Хадит» — слово, взятое из старинной фрименской песни о том, как люди сумели выжить в страшной пустыне. Как у каждого живого фримена, история эта была навсегда запечатлена в душе Стилгара — легенда о предательстве и гражданской войне, которую вели первые поколения переселенцев Дзенсунни здесь, на Дюне. Легенда гласила, что все началось именно здесь, в этом священном ситче.

Но теперь Харконнены осквернили наше древнее святилище.

Каждый боец отряда Стилгара испытывал отвращение и ненависть к Харконненам за это святотатство. В Ситче Красной Стены на плоских камнях были видны зарубки, отмечавшие каждого убитого этими фрименами врага, и сегодня вражеская кровь прольется снова.

Небольшая колонна последовала за Стилгаром, шедшим по горной тропе. Скоро рассвет, а им надо убить еще много врагов.

Здесь, вдали от недреманного имперского ока, барон Харконнен воспользовался пустыми пещерами ситча Хадит, чтобы устроить в них нелегальные хранилища специ. Украденные грузы бесценного меланжа не попадали в отчеты, представляемые Императору. Шаддам даже не подозревал о таком мошенничестве. Но Харконненам не удалось скрыть свои преступления от жителей пустыни.

В убогой деревне Бар Эс Рашид, расположенной у подножия хребта, Харконнены поставили пост прослушивания и охрану. Но такая хилая защита не была препятствием для фрименов, которые давно пробили в скалах шахты и штреки, ведущие в глубокие гроты. Тайные тропы...

Стилгар отыскал трещину и пошел по едва заметной дорожке, стараясь не пропустить потайной вход в Ситч-

Хадит. Под нависшим куском скалы он обнаружил темное пятно. Опустившись на четвереньки, Стилгар пополз в темноту и скоро нашел отверстие, прохладное и влажное. Запоров нет, вход не запечатан. Лишние затраты.

Никакого освещения, никакой охраны. Стилгар вполз в отверстие, вытянул вперед ноги и поставил ногу на каменную плиту; опустив ниже вторую ногу, он нащупал следующую плиту, а за ней еще одну. Лестница вела вниз. Впереди, там, где туннель, полого спускаясь вниз, сворачивал вправо, виднелся тусклый желтоватый свет. Стилгар попятился назад и поднял руку, подзывая к себе остальных бойцов.

На полу, у подножия грубо вырубленной в скале лестницы, он вдруг увидел старинную миску. Вытащив из ноздрей затычки, Стилгар принялся. В миске лежало сырое мясо. Приманка для мелких хищников? Капкан для зверя? Стилгар застыл на месте и принялся разглядывать стену в поисках сенсоров. Неужели сигнал тревоги уже включился? Он услышал шаги и пьяный голос.

— Еще одна попалась? Пойдет в свой кулоний ад.

Стилгар и два фримена метнулись в боковой проход и обнажили свои крисы — молочно-белые острые кинжалы. От пистолетов в этом замкнутом пространстве будет слишком много шума. Когда пара харконненовских охранников прошла мимо, дыша перегаромпряного пива, Стилгар и его товарищ Турок бросились вперед и напали на них сзади.

Прежде чем беспечные солдаты успели крикнуть, фримены мгновенно перерезали им горло и приложили к ранам губки, чтобы не пропала ни одна драгоценная капля крови. Молниеносными движениями фримены разоружили солдат, все еще содрогавшихся в предсмертной агонии. Стилгар взял себе одну лазерную винтовку, а вторую отдал Туроку.

Тусклые армейские светильники, подвешенные в темных углах, бросали на стены пещеры неяркий свет. Отряд партизан продолжил свой путь к сердцу древнего ситча. Когда Стилгар прошел по мостику, пересекавшему кон-

вейер, по которому в гору и из нее подавали материалы, он ощутил коричный запах специи, который становился все сильнее по мере продвижения группы в глубь ситча. Здесь светильники были настроены не на желтый, а на оранжевый цвет.

Воины Стилгара зароптали, увидев человеческие черепа и разлагающиеся останки, валявшиеся у стен коридора, как беспечно выставленные напоказ трофеи. Это были либо фрименские пленники, либо жители деревни, на которых солдаты Харконнена охотились ради забавы. Ярость душила партизан Стилгара. Турок оглянулся в поисках врага, которого можно было бы убить.

Осторожно продвигаясь вперед, Стилгар вскоре услышал голоса и звон металла. Отряд вышел к пещере, окаймленной каменной галереей, с которой был хорошо виден обширный грот. Стилгар на мгновение представил себе громадные толпы фрименов, которые приходили сюда задолго до Харконненов, задолго до Императоров, до того, как главным мерилом ценностей во вселенной стала проклятая специя.

В центре грота высилось восьмиугольное сооружение, темно-синее с серебристым отливом, окруженное строительными лесами. Рядом располагались меньшие подсобные здания. Одно из зданий строилось; вокруг были разложены плазметаллические строительные блоки. Семь рабочих трудились в поте лица, возводя дом.

Отойдя обратно в тень, партизаны прокрались по плоским каменным ступеням на дно грота. Турок и еще один фримен, вооруженные трофейным оружием, заняли господствующие места на галерее, откуда был хороший обзор. Трое партизан взобрались на леса, окружавшие восьмиугольное здание. Добравшись до вершины, фримены, на мгновение исчезнув из виду, появились снова и дали знак Стилгару. Шестеро охранников были уже бесшумно убиты крисами — надежным смертоносным оружием.

Час невидимок прошел. Двое партизан направили пистолеты на изумленных рабочих и приказали им подняться по лестнице. Люди покорно и хмуро подчинились приказу.

Видимо, им было все равно, каким тюремщикам повиноваться.

Фримены осмотрели помещение в поисках боковых коридоров и нашли казарму с двумя дюжинами охранников, спавших в помещении, пол которого был усеян пустыми бутылками из-подпряного пива. В кордегардии стоял крепкий запах меланжа.

Изрыгая проклятия, фримены ворвались в казарму и принялись работать ножами. Сыпались удары и уколы, причинявшие боль, но не смерть. Пьяных солдат Харконненов обезоружили и согнали в середину грота.

Разгоряченный Стилгар презрительно кривился, глядя на поверженных полупьяных солдат. *Всегда надеешься встретить достойного противника. Но сегодня мы его не найдем.* Даже здесь, в тщательно оберегаемом гроте, эти люди воровали специю, которую должны были охранять. Вероятно, они делали это без ведома барона.

— Я хочу прямо сейчас замучить их до смерти. — Глаза Турока мрачно блеснули в тусклом свете. — Медленно. Ты видел, что они делали со своими пленниками?

Стилгар остановил товарища.

— Побереги свой гнев на потом. Сейчас мы заставим их работать.

Почесывая черную бороду, Стилгар принялся расхаживать перед выстроенными в шеренгу пленными солдатами. Они потели от страха, и вонь потных тел начала перебивать аромат меланжа. Негромко, с угрозой в голосе, Стилгар заговорил, следуя совету Лайет-Кайнса:

— Этот запас специи нелегален и служит явным доказательством нарушения имперского закона. Весь обнаруженный запас будет конфискован и отправлен в Кайтэйн.

Лайет, недавно назначенный имперским планетологом, недавно уехал в имперскую столицу добиваться встречи с Падишах-Императором Шаддамом IV. Это было длинное путешествие сквозь немыслимые галактические просторы, которые предстояло преодолеть, прежде чем попасть в императорский дворец, и такой простой житель пустыни, как Стилгар, вряд ли мог представить себе такое расстояние.

— Ты хочешь сказать, фрименам? — язвительно произнес капитан, пьяный коротышка с дрожащей челюстью и высоким водяночным лбом.

— Я хочу сказать, Императору. Мы располагаем полномочиями от его имени. — Синие, цвета индиго, глаза Стилгара пробуравили нахального капитана. Но красноружий офицер был настолько пьян, что даже потерял способность испытывать страх. Очевидно, он просто не знал, что делают фримены со своими пленниками. Ничего, скоро он все узнает.

— Быстро начинайте грузить этот силос! — рявкнул Турок, стоя рядом с вызволенными из плена рабочими. Те из них, кто был не слишком изнурен непосильным трудом, изумились, видя, как солдаты Харконненов вприпрыжку бросились выполнять приказ. — Вы перенесете специю на наши орнитоптеры.

Когда восходящее солнце осветило пустыню, Стилгар начал сгорать от волнения и беспокойства. Пленные солдаты Харконнена работали уже несколько часов кряду. Этот рейд занял слишком много времени, но добыча стоила того.

Пока Турок и его товарищи держали харконненовцев на прицеле, те грузили мешки с меланжем на ленту транспортера, который поднимал драгоценную специю к выходу, к посадочной площадке орнитоптеров. Фрименские партизаны взяли сегодня ценность, на которую можно было бы купить целую планету.

Интересно, на самом деле, чего хочет барон от такого богатства?

В полдень, в точно рассчитанное время, Стилгар услышал донесшиеся снизу, от деревни Бар Эс Рашид, взрывы. Это второй отряд фрименов напал на пост Харконнена, проведя хорошо скоординированную атаку.

Четыре орнитоптера без опознавательных знаков изящно обогнули вершину горы и, медленно взмахивая механическими крыльями и ведомые фрименскими пилотами, сели точно на посадочную платформу. Освобожденные

строители и фрименские партизаны начали загружать суда хорошо упакованного, дважды украденного меланжа.

Операция подошла к концу.

Стилгар выстроил пленных солдат в ряд на краю обрыва, с которого были видны пыльные крыши Бар Эс Рашида. От тяжелой работы и испытанного страха мордастый харконненовский капитан совершенно протрезвел. Волосы его лоснились от пота, глаза бегали. Встав напротив него, Стилгар с нескрываемым презрением посмотрел на врага.

Не говоря ни слова, предводитель фрименов взмахнул крисом и распорол капитану живот точно посередине — от лобка до грудины. Капитан едва не задохнулся от неожиданности, не веря своим глазам, увидевшим, как блеснули в ярком свете знойного фрименского солнца хлынувшая кровь и вывалившиеся наружу кишки.

— Ты транжиришь воду, — буркнул стоявший за спиной Стилгара Турок.

Несколько солдат в панике попытались бежать, но фримены догнали их и одних сбросили со скалы, а других убили ножами. Тех, кто остался стоять на месте, уничтожили быстро и безболезненно. Фримены всегда гораздо дольше занимались трусами.

Хмурым рабочим было приказано погрузить на орнитоптеры всех убитых. Не оставили и тела замученных харконненовцами людей из подземных коридоров. В Ситче Красной Стены люди Стилгара проведут церемонию упокоения и извлекут из трупов всю драгоценную воду до последней капли на благо племени. Оскверненный Хадит опустеет, снова превратившись в поселение-призрак.

То будет предостережение барону.

Тяжело нагруженные орнитоптеры один за другим, словно темные птицы, взлетали в ясное небо, а Стилгар и его люди, выполнив свою миссию, зашагали под палящими лучами солнца назад в Ситч Красной Стены.

Как только барон Харконнен узнает об утрате несметного сокровища и гибели охраны, он отрядит карательную экспедицию, которая отыграется на жителях деревни, хотя эти несчастные бедные люди не имеют никакого отноше-

ния к атаке. Губы Стилгара сложились в горькую усмешку. Он решил переселить жителей в какой-нибудь безопасный дальний ситч.

Что же касается освобожденных рабочих, то их превратят во фрименов, а тех, кто откажется, убьют. Учитывая их безрадостную убогую жизнь в Бар Эс Рашиде, Стилгар, не без основания, полагал, что делает им большое одолжение.

Когда Лайет-Кайнс вернется после встречи с императором, он будет очень рад узнать, что сделали фримены в его отсутствие.

Человечество знает только одну науку: науку недовольства.

Падишах-Император Шаддам IV.
«Декрет по поводу действий Дома Моритани»

Н*ижайше умоляю о прощении, сир.
Уповаю на Вашу щедрость, сир.*

По большей части Император Шаддам Коррино IV находил свои рутинные обязанности скучными и утомительными. Поначалу сидение на Троне Золотого Льва вызывало в нем душевный трепет, но теперь, окидывая взглядом зал аудиенций, Шаддам думал о том, что власть привлекает и соблазняет льстецов так, как рассыпанные по полу сладкие крошки привлекают и соблазняют тараканов. Голоса просителей звучали в голове, а Император, не спеша, размышлял, даровать милость или нет.

Я взываю к Вашей справедливости, сир.

Одну минуту Вашего драгоценного времени, сир.

Будучи кронпринцем, Шаддам долгие годы изо всех сил старался добиться трона. И вот теперь одним щелчком пальца он мог возводить в благородное достоинство богатых простолудинов, уничтожать миры и ниспровергать Великие Дома.

Но даже он, Император всей Известной Вселенной, не имел возможности править исключительно по своему усмотрению. Его решения всецело зависели от наседавших

со всех сторон могущественных политических кукловодов. Свои интересы были у Космической Гильдии, так же как у Объединенного Совета Передовой и Честной Торговли, финансово-промышленного конгломерата, больше известного под сокращенным названием КАНИКТ. Приятно было сознавать, что благороднейшие фамилии грызутся между собой не меньше, чем с ним.

Прошу Вас, вникните в мое дело, сир.

Взываю к Вашей милости, сир.

Орден Бинэ Гессерит помог Шаддаму консолидировать власть в первые годы правления. Но теперь ведьмы — включая и его собственную жену — шептались за спиной Императора, вырывая нити из полотна Империи и вплетая в него новые узоры, которые Шаддам не мог разглядеть.

Снизойдите до моей просьбы, сир.

Это такая малость, сир.

Однако как только будет завершен проект «Амаль» — разработка методов получения искусственной специи, — он, Шаддам, до неузнаваемости изменит лицо Империи. «Амаль». Какое магическое звучание у этого короткого слова. Но названия — это одно, а реальность — совсем иное.

Последние сообщения с Икса согревали душу. Наконец эти проклятые тлейлаксу сообщили, что эксперименты увенчались успехом, и теперь Шаддам со дня на день ожидал окончательного доказательства и доставки первых образцов. Специя... все нити управления гигантской Империей были свиты из специи. *Скоро у меня будет собственный ее источник, и Арракис вместе с его пустынями может провалиться в тартарары.*

Мастер-исследователь Хайдар Фен Аджидика не осмелился бы сделать столь важное заявление, не имея на то оснований. Но бдительность не помешает, и Шаддам послал на Икс своего друга детства, философа-убийцу графа Хасимира Фенринга надзирать за ходом работ.

Моя судьба в Ваших руках, сир.

Да славится благоволение Императора!

Сидя на хрустальном троне, Шаддам таинственно улыбался, заставляя просителей дрожать от неуверенности.

Две меднокожие, одетые в чешуйчатые шелковые одежды женщины поднялись по ступеням к спинке трона и зажгли ионные факелы, установленные по обе его стороны. Затрещавшее пламя было не чем иным, как заключенной в магнитную оболочку обузданной молнией: синезеленые шары, пронзенные мелькающими прожилками ослепительно яркого света. В воздухе, словно после грозы, повисли запах озона и шипение всепожирающего пламени.

После помпезных утренних церемоний Шаддам явился в Палату для аудиенций на час позже назначенного времени, непринужденно дав понять всем этим жалким просителям, сколь ничтожны их дела в глазах Императора. Напротив, все посетители были обязаны явиться в точно определенное время, иначе их аудиенция автоматически отменялась.

Перед тронном появился придворный камергер Били Ридондо и вытянул вперед руку со звуковым жезлом. Камергер коснулся отполированного каменного пола и раздался звон, от которого содрогнулся фундамент императорского дворца. Высоко вскинув брови, лысый Ридондо громко и отчетливо провозгласил бесконечно длинный титул Шаддама и открыл церемонию. Не теряя после этого ни секунды, он поднялся по ступеням и застыл у спинки трона.

Подавшись вперед и сохраняя на узком лице суровое выражение, Шаддам начал свой новый день, восседая на Троне Золотого Льва...

Церемония подтвердила его наихудшие опасения. Сплошной поток мелких, не достойных внимания делишек. Однако Шаддам изо всех сил старался выказывать сочувствие, как подобает великому правителю. Историки уже получили приказ описать во всех подробностях жизнь и царствование Императора.

Во время короткого перерыва камергер Ридондо зачитал Шаддаму длинный список имперских дел. Император потягивал из чашки приправленный специей кофе, чувствуя, как меланж электризует его мозг и тело. Наконец-то этот каналья повар научился по-настоящему готовить бо-

жественный напиток. Чашка была украшена затейливым узором и была настолько тонка, что казалась сделанной из яичной скорлупы. Каждую чашку, из которой Шаддам пил, немедленно разбивали после использования, чтобы никто не мог коснуться драгоценного фарфорового сосуда после Императора.

— Сир? — Ридондо вопросительно взглянул на Шаддама, произнеся с невозмутимым лицом множество труднейших имен, ни разу не заглянув при этом в документы. Камергер не был ментатом, но отличался феноменальной естественной памятью, которая позволяла ему помнить обо всех деталях многочисленных придворных дел. — Вновь прибывший посетитель просит об аудиенции по делу, не терпящему отлагательства.

— Все они говорят одно и то же. Какой Дом он представляет?

— Он не из Ландсраада, сир. И он не чиновник КАНИКТ или Гильдии.

Шаддам негодуяще фыркнул:

— В таком случае твое решение очевидно, камергер. Я не могу тратить время на всяких простолюдинов.

— Он... он не обычный простолюдин, сир. Его зовут Лайет-Кайнс, и он прибыл с Арракиса.

Шаддама раздражала смелость любого человека, который полагал, что можно просто так прийти и потребовать встречи с Императором миллиона миров.

— Если я пожелаю говорить с кем-нибудь из этого пустынного сброда, то сам вызову его на Кайтэйн.

— Это имперский планетолог, сир. Ваш отец отправил его отца на Арракис для изучения специи. Мне кажется, что мы получили от него множество донесений.

Император деланно зевнул.

— И все они, насколько я помню, были страшно скучны.

Теперь и он вспомнил эксцентричного Пардота Кайнса, который провел большую часть своей жизни на Арракисе, постоянно уклонялся от исполнения своих обязанностей и стал туземцем, предпочтя пыль и зной блеску и пышности Кайтэйна.

— Я потерял интерес к пустыне, — произнес Император. — Особенно теперь, когда вот-вот будет завершен «Амаль».

— Я понимаю вашу сдержанность по отношению к нему, сир, но если вы не примете его, то Кайнс может, вернувшись, поднять возмущение среди рабочих пустыни. Кто знает, какое влияние он способен на них оказать. Они могут решиться на всеобщую забастовку и спровоцируют барона Харконнена на насилие. Потом барон потребует присылки сардаукаров и тогда...

Шаддам поднял ухоженную руку.

— Довольно! Я хорошо тебя понял.

Этот камергер имеет обыкновение углубляться в последствия, совершенно не нужные Императору.

— Пусть он войдет. Только сначала смойте с него грязь.

Лайет-Кайнс нашел императорский дворец впечатляющим, но не более того. Имперский планетолог привык к величию совершенно иного сорта. Ничто не может превзойти великолепия пустынь Дюны. Кайнсу приходилось один на один противостоять чудовищной силе кориолисовой бури. Он путешествовал верхом на исполинских червях. Видел он и ростки зеленых насаждений, пробивавшихся к свету, несмотря на суровый климат.

Вид человека, сидевшего в кресле, пусть даже и в очень дорогом, не шел ни в какое сравнение с величием природы Дюны.

От лосьонов, которыми опрыскали Кайнса слуги, на коже остался маслянистый налет, волосы пахли цветочными духами, а все тело провоняло синтетическими дезодорантами. Фрименская мудрость гласит, что песок очищает тело и душу. Когда Кайнс вернется с Кайтэйна, то первым делом разденется и голым покатается по песку дюны, а потом постоит на пронизывающем ветру, чтобы снова почувствовать себя поистине чистым.

Так как Лайет настоял на том, чтобы остаться в хитромном защитном костюме, слуги развернули одежду и прощупали каждый шов в поисках спрятанного оружия или

подслушивающего устройства. Все части костюма были вычищены, механические детали смазаны ароматической смазкой, а вся поверхность обработана странными химикатами. Только после этого охрана разрешила Кайнсу снова надеть костюм. Планетолога одолевали сомнения, будет ли теперь нормально работать такая важная часть жизнеобеспечения. Наверное, костюм придется просто выбросить. Очень жаль.

Ну что ж, не зря он — сын великого пророка Пардота Кайнса. Фримены выстроятся в длинную, до горизонта, очередь, лишь бы удостоиться чести изготовить для него новый костюм. В конце концов, у них одна цель — процветание Дюны. Но только Кайнс мог добиться аудиенции у Императора и выдвинуть нужные требования.

Эти имперские слуги так мало понимают в жизни!

Пятнистая коричневая накидка развевалась за спиной Кайнса, когда он твердой походкой зашагал по тронному залу. На Кайтэйне эта накидка выглядела весьма скромно, но Кайнс выступал с таким видом, словно это была королевская мантия.

Камергер отрывисто произнес его имя, словно оскорбленный тем, что планетолог не носил пышного аристократического или политического титула. Кайнс громко стучал пустынными сапогами по полированным плитам пола, не затрудняя себя условностями придворного этикета. Остановившись перед возвышением, на котором стоял трон, он, не поклонившись, смело заговорил:

— Император Шаддам, я должен говорить с вами о специи и об Арракисе.

От такой прямоты придворные затаили дыхание. Император застыл на троне от такого неслыханного оскорбления.

— Ты дерзок, планетолог. С твоей стороны это безрассудство. Или ты допускаешь, что мне ничего не известно о столь важных для моей Империи делах?

— Я допускаю, сир, что вам поставляют неверные сведения Харконнены. Они делают это преднамеренно, чтобы скрыть свою истинную деятельность.